

Говард Филлипс Лавкрафт

Белый корабль

(The White Ship)

Я – Бэзил Элтон, смотритель маяка на Норт Пойнт. Это занятие досталось мне от отца, а отцу – от деда. Мой маяк стоит в отдалении от берега, возвышаясь над покрытыми слизью скалами, которые обнажаются во время отлива, а во время прилива полностью скрываются под водой. Вот уже два столетия мимо этого маяка проплывают величественные корабли, странствующие по семи морям. Во времена моего деда их было неисчислимое множество; потом, когда смотрителем стал мой отец, число их несколько уменьшилось, а сейчас они стали такими редкими гостями в наших краях, что порою я испытываю чувство неизбежного одиночества, как будто я остался последним человеком на планете.

Большие старинные корабли с белоснежными парусами приходили сюда издалека – с таинственного Востока, где ярко и горячо светит солнце, а белые минареты купаются в сладчайших ароматах чудесных садов. К моему деду часто заглядывали старые капитаны и рассказывали ему разные истории, которые тот излагал потом моему отцу, а отец пересказывал мне, когда мы сидели с ним долгими осенними вечерами у огня, внимая зловещему завыванию ветра. Много историй услышал я тогда от него, но еще больше вычитал из книг, которые дарили мне ученые люди в ту пору, когда я был юн и охотно верил в чудеса.

Знания, почерпнутые мною из книг и из рассказов старых людей, были завораживающими, но более всего очаровали меня откровения, которые подарил мне океан. Лазурный, изумрудный, седой, свинцовый, черный, спокойный, взволнованный или неистовствующий – океан никогда не молчал. Целыми днями смотрел я на него и внимал его голосу и в конце концов научился понимать океан с полуслова. Сначала он рассказывал мне лишь короткие незатейливые сказки о тихих пляжах и ближних портах, но со временем мы стали с ним близкими друзьями, и он начал доверять мне самые сокровенные свои тайны. Он говорил о людях, землях и событиях, которые были странны, необычайны и бесконечно далеки от меня во времени и пространстве. Иногда с наступлением сумерек на горизонте раздвигалась серая дымка, и я видел проблески неведомых путей, уводящих в безграничную даль; бывало, что по ночам темные морские воды становились прозрачными и фосфоресцирующими и дарили моему взору проблески неведомых путей, уводящих в безграничную глубь. Пути эти когда то существовали или могли существовать в нашем мире; они виделись мне так же часто, как и пути, которые существуют сейчас, ибо океан очень стар – он древнее гор, он хранит в себе память и мечты бесконечного Времени.

Когда высоко в небе светила полная луна, с юга приходил Белый корабль. Он мягко и бесшумно скользил по воде; море при этом могло быть спокойным или взволнованным, дружелюбным или враждебным – в любую погоду Белый корабль

шел одинаково мягко и бесшумно. Паруса его были приспущены, а ряды весел взлетали в однообразном ритме, поднимая соленые брызги. Однажды ночью я увидел на палубе корабля бородатого человека, который кивнул мне, казалось, приглашая взойти на борт и отплыть к дальним неведомым берегам. После этого я еще много раз видел его в полнолуние, и всякий раз он кивал он мне, зазывая на корабль.

И в одну яркую лунную ночь я откликнулся на зов. Я побежал по океанским водам и взошел на Белый корабль по мосту, сотканному из лунного света. Человек, приглашавший меня кивком головы, приветствовал меня на мягком певучем языке, которого я не знал, но очень хорошо понял. И в течение многих часов, которые были заполнены звучными песнями гребцов, плыли мы в сторону юга, таинственного и золотого в сиянии полной луны.

А когда заалел рассвет, я увидел зеленую полосу берега дальней земли – чудесной, неповторимой и неизвестной мне земли. Непосредственно от воды вверх поднимались полосы пышной зеленой растительности, в которой там и тут виднелись сверкавшие белые крыши и колоннады необыкновенных храмов. Когда мы приблизились к зеленому берегу, человек с бородой поведал мне историю этого края. Земля эта называется Зар, сказал он, и здесь обитают все мечты и мысли о прекрасном, которые когда либо осеяли людей, а потом были ими забыты. И когда я снова окинул взглядом зеленые полосы растительности, я понял, что все сказанное им – правда, ибо среди картин, представших моему взору, было много таких, которые прежде открывались мне за расступившейся дымкой над горизонтом и в фосфоресцирующих глубинах океана. Здесь были фантазии, превзошедшие по своему великолепию все, что я когда либо знал, – видения молодых поэтов, умерших в нищете и безвестности, не дождавшись того, что мир узнает их откровения. Но мы не коснулись стопами своими лугов Зара, ибо сказано было, что ступивший на эту землю никогда не вернется на родной берег.

Прошло немало времени после того, как Белый корабль безмолвно уплыл прочь от сокрытых в зеленых рощах храмов Зара, и мы увидели далеко на горизонте шпили могучего города. Человек с бородой сказал мне:

– Это Таларион, Город Тысячи Чудес; в нем обитают все тайны, которые стремились разгадать люди, но которые так и не открылись им.

И я снова взглянул на город, на этот раз более пристально, и увидел, что он превосходит своими размерами все виденные мною ранее города, а также все города, о которых я когда либо слышал или мечтал. Шпили храмов подпирали небесный свод, и ни один смертный не смог бы дотянуться взглядом до них – так высоко вознеслись они; далеко за горизонт уходили угрюмые серые стены, поверх которых можно было разглядеть лишь несколько крыш, зловещих и мрачных, но притом украшенных роскошными фризами и соблазнительными скульптурами. Я страстно возжелал войти в этот очаровательный и в то же время отталкивающий город и умолял человека с бородой высадить меня на сияющем причале у огромных резных ворот Акариэля, но он, мягко улыбнувшись, сказал мне:

– Не проси об этом. Многие вошли в Таларион, Город Тысячи Чудес, но никому не удалось вернуться оттуда. Там бродят демоны и безумцы, которые давно уже перестали быть людьми, а улицы его белы от непогребенных костей тех, перед чьим взором предстал идол Лати, который повелевает городом.

И Белый корабль проследовал на юг мимо стен Талариона, и много дней летела вслед за нами птица, чьи яркие перья, казалось, были отлиты из небесной лазури, что породила ее и послала вслед за Белым кораблем.

А потом мы увидели ласковый берег, сплошь покрытый ковром из цветов всех оттенков; вглубь его тянулись чудесные рощи, пронизанные расходящимися аллеями. Яркое полуденное солнце сияло надо всем этим великолепием. Мы слышали пение невидимых голосов и нежные, гармоничные звуки лиры, перемежавшиеся легким смехом, столь прелестным, что я в нетерпении приказал гребцам как можно скорее причалить к неведомому берегу, ибо сгорал от желания увидеть скрытые от меня чудеса своими глазами. И человек с бородой не произнес ни слова, а только пристально посмотрел на меня, в то время как мы приближались к отороченному лилиями берегу. Внезапно налетевший с цветущих лугов и густых лесов ветер принес запах, вызвавший у меня дрожь. А потом ветер усилился, и воздух наполнился зловонным могильным духом зачумленных городов и их страшных кладбищ. И когда мы в страхе отплыли прочь от этого берега, человек с бородой наконец разомкнул уста, сказав мне:

– Это Ксура, Страна Несбывшихся Радостей.

И снова Белый корабль поплыл за небесной птицей по теплым водам благословенного моря, ласкаемый ароматными бризами. Мы плыли много дней и ночей, и, когда над нами всходила полная луна, мы внимали звучным песням гребцов, и песни эти казались мне так же хороши, как и в ту далекую ночь, когда я покинул родной берег. В одну из лунных ночей мы бросили якорь в гавани Сона-Нил. Ее покой надежно охраняют два хрустальных мыса, что поднимаются из моря и сходятся друг с другом, образуя великолепную сияющую арку. Это была Страна Мечты, и мы сошли на ее зеленеющий берег по золотому мосту, сотканному из лунных лучей.

В стране Сона-Нил нет ни времени, ни пространства, ни страдания, ни смерти, и я остался жить в ней на многие тысячелетия. В этой стране привольно раскинулись роскошные луга и рощи, там цветут яркие ароматные цветы, весело журчат голубые ручьи и реки, бьют прозрачные освежающие фонтаны и гордо вздымаются могучие храмы, замки и города. И нет конца этой земле, ибо за одной великолепной перспективой открывается другая, еще более прекрасная. В городах и селениях живет безмятежный народ, и каждый человек наделен безукоризненным изяществом манер и движений, а в придачу – ничем не омраченным счастьем. Тысячи лет прожил я на этой земле, и все это время я беззаботно бродил в садах, где из за подстриженных кустов выглядывали аккуратные беседки, а белые дорожки были размечены чудесными цветами. Я взбирался вверх по пологим холмам, с вершин которых мне открывались чарующие картины. Я видел селения, разбитые на дне мирных зеленых долин, видел золотые купола огромных городов, блестящие

далеко на горизонте, за которым лежала бесконечность. Когда же наступала ночь и всходила полная луна, я смотрел на мерцающую поверхность моря и на хрустальные ворота гавани, где бросил якорь Белый корабль.

Это было в незабвенный год Тарпа. Однажды, стоя на холме и пристально глядя на полную луну, я внезапно увидел на ее фоне зовущие очертания небесной птицы и почувствовал шевельнувшееся в моей душе беспокойство. Потом я обратился к человеку с бородой и поведал ему о своих новых устремлениях – мне хотелось отплыть в далекую Катурию, которую никто никогда не видел, но о которой было известно, что она лежит далеко на западе, за базальтовыми скалами. Это Земля Надежды, вместилище идеальных образов всего того, о чем мы знаем; по крайней мере, так говорили о ней люди. Но человек с бородой сказал мне:

– Остерегайся тех гибельных морей, за которыми лежит Катурия. В Сона-Нил нет боли и смерти, а что знаешь ты о земле, которая лежит за базальтовыми скалами на западе?

Однако я настаивал на своем, и в следующее полнолуние человек с бородой неохотно покинул безмятежную гавань, чтобы отправиться со мною на Белом корабле в нехоженые моря.

И снова небесная птица летела перед нами и вела нас на запад, к базальтовым скалам, но на сей раз не раздавались под полной луной звучные песни гребцов. В своем воображении я часто рисовал неведомую землю Катурии с ее пышными рощами и великолепными дворцами и со сладостным замиранием сердца представлял себе радости и удовольствия, которые ожидали меня. «Катурия, – говорил я себе, – это обиталище богов и страна неисчислимых городов, выстроенных из чистого золота. Ее чудесные сандаловые леса с ровными и стройными рядами деревьев напоминают благоуханные рощи Каморина, и веселые птицы поют в густых кронах. На покрытых зеленью и цветами холмах Катурии стоят храмы из розового мрамора, щедро украшенные резными изображениями, которые прославляют ратные подвиги их создателей; во дворах храмов блистают серебряными струями фонтаны, ароматные воды которых издают завораживающие музыкальные звуки, а приходят те воды из берущей свое начало в подземном гроте реки Нарг. И опоясаны города Катурии золотыми стенами, и улицы их тоже вымощены золотом. В садах растут дивные орхидеи и слышится плеск небольших озер, дно которых выложено янтарем и кораллами. Ночью сады и улицы залиты светом фонарей, сделанных из трехцветного панциря гигантской морской черепахи, а в воздухе плывут тихие звуки лютни и голоса певцов. Все дома Катурии роскошны и достойны называться дворцами, и каждый из них стоит на берегу благоухающего канала, несущего воды священного Нарга. Дома сложены из порфира и мрамора, а их позолоченные крыши отражают яркие лучи солнца, и города выглядят еще более великолепными и радуют взоры блаженных богов, когда те смотрят на них с высоких дальних гор. Прекраснейший из всех дворцов – дворец монарха Дориба, которого некоторые считают полубогом, а иные и вовсе богом. Высоко в поднебесье взметнулся дворец Дориба, окруженный стенами со множеством мраморных башен. Бесчисленные толпы людей собираются в его просторных залах, а на стенах тут и там висят трофеи многолетних походов. Крыша этого дворца сделана из чистого

золота и держится на высоких столбах из рубинов и лазурита, и такие великолепные резные скульптуры героев и богов установлены на ней, что тот, кто взирает на них, может представить себя смотрящим на живых обитателей Олимпа. Пол во дворце сделан из стекла, под которым текут хитроумно осветленные воды Нарга, несущие в себе рыб дивной окраски, неизвестных за пределами прелестной Катурии».

Так разговаривал я сам с собою о вожденной Катурии, но человек с бородой уговаривал меня повернуть назад и возвратиться в Сона-Нил, ибо все знают о счастливой земле Сона-Нил, а неведомую Катурию не доводилось еще видеть никому.

И наступил тридцать первый день с тех пор, как мы отправились вслед за птицей, и мы увидели базальтовые скалы Запада. Они были окутаны белым туманом, словно саваном, и нельзя было разглядеть их вершины – они и впрямь могли доставать до небес. И человек с бородой опять принялся умолять меня повернуть назад, но я и слушать его не хотел, ибо из за окутанных мертвенным туманом утесов донеслись до меня голоса певцов и звуки лютни, которые были слаще сладчайших песен Сона-Нил и звучали гимном, прославляющим меня, смельчака, который в ночь полной луны отправился в далекое путешествие и тысячу лет жил в Стране Мечты. И Белый корабль устремился на звук мелодии – прямо в туман между скалами. А когда музыка смолкла и туман рассеялся, мы увидели, что вместо благословенной Катурии перед нами бурлит стремительное, непреодолимое течение. И это течение подхватило наше беспомощное судно и понесло его в неизведанные дали. Вскоре мы услышали отдаленный грохот падающей воды, и нашему взору открылся фонтан брызг, вздымаемый на горизонте гигантским водопадом, который вбирал в себя воды всех океанов мира и обрушивал их в бездонное небытие. И человек с бородой сказал мне, не в силах сдержать слез:

– Мы отказались вернуться в прекрасную страну Сона-Нил, которую нам уже больше никогда не увидеть. Боги сильнее людей, и они победили.

Я закрыл глаза в ожидании катастрофы, и небесная птица, отчаянно бьющая лазурными крылами над краем потока, перестала видеться мне. После адского грохота, сопровождавшего кораблекрушение, наступила кромешная тьма, и я услышал дикие вопли людей и существ, которые не были людьми. С востока поднялся ураган и обдал меня своим леденящим дыханием; я бессознательно сжался, ощутив под собой холодную гладкую поверхность какого то большого камня, который непостижимым образом поднялся из морских глубин и стал моей опорой и спасением. Грохот повторился, а потом наступила тишина, и я решил открыть глаза. И когда я сделал это, то обнаружил, что нахожусь на платформе маяка, который покинул миллион лет тому назад, уплыв в океанские просторы на Белом корабле. Маяк был погружен во тьму; впервые с тех пор, как он перешел к моему деду, его фонарь погас. Внизу, во мраке, смутно вырисовывались обломки разбитого судна.

Не дожидаясь рассвета, я вошел внутрь башни и увидел на стене календарь, который показывал тот самый день, когда я уплыл на Белом корабле. И когда рассвет озарил океан, я спустился вниз и попытался рассмотреть обломки корабля, налетевшего на скалу, но не увидел ничего, кроме странной мертвой птицы цвета

лазурного неба да одного единственного деревянного бруса, который своей необычайной белизной превосходил морскую пену и снежные шапки на вершинах гор.

И после этого океан уже не раскрывал мне своих тайн; и много раз потом всходила над ним полная луна, но Белый корабль больше не являлся ко мне с юга.

*Перевод Евгений Мусихин
1992 год*